

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ
ДЕТЕКТИВНЫЕ РОМАНЫ
ДАРЫ ДЕЗОМБРЕ:

ПРИЗРАК НЕБЕСНОГО ИЕРУСАЛИМА
ПОРТРЕТ МЕРТВОЙ НАТУРЩИЦЫ
ТАЙНА ГОЛЛАНДСКИХ ИЗРАЗЦОВ
ОШИБКА ТВОРЦА
ТЕНИ СТАРОЙ КВАРТИРЫ

ДАРЬЯ ДЕЗОМБРЕ

ТЕНИ СТАРОЙ КВАРТИРЫ

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д26

Оформление серии *А. Саукова*

Под редакцией *О. Рубис*

Дезомбре, Дарья.

Д26 Тени старой квартиры : роман / Дарья Дезомбре. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 416 с. — (Интеллектуальный детективный роман Д. Дезомбре).

ISBN 978-5-699-91582-8

Виолончелистка с мировым именем Ксения Аверинцева покупает квартиру с видом на канал Грибоедова. Узнав об этом, ее бабушка умирает от сердечного приступа. По роковому совпадению, она жила в той старой квартире и была подозреваемой по так и не раскрытому делу. Но Ксения не может поверить, что ее бабушка – убийца. Она просит Марию Каравай о помощи, и та соглашается. Постепенно разгадывая секреты жителей коммуналки, Маша с Ксенией приближаются к главной тайне, смертельно опасной и для ныне живущих. История, начавшаяся как любительское архивное расследование, превращается в остросюжетный триллер. Скрываясь в лабиринтах питерских дворов и на старых фортах близ Кронштадта от преследующего ее убийцы, Мария Каравай пытается по крупицам отыскать затерянную во времени информацию...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-91582-8

© Фоминых Д. В., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Федоре

Все хваленое настоящее — лишь момент, тут же становящийся прошлым, а вернуть сегодняшнее утро ничуть не легче, чем эпоху Пунических или Наполеоновских войн. И, как это ни парадоксально, именно современность мнима, а история — реальна.

Лев Гумилев

Было ли вправду все это? И, если да, на кой будоражить теперь этих бывших вещей покой, вспоминая подробности, подгоняя сосну к сосне, имитируя — часто удачно — тот свет во сне?

Иосиф Бродский

*Список обитателей коммуналки
в 1959—1960-м годах:*

- Аверинцева Ирина, 22 года, химик, недавняя выпускница Технологического института.
- Хелемская Ксения Лазаревна, 70 лет, старушка из «бывших», до революции владелица квартиры, нынешней коммуналки. Научный редактор.
- Бенидзе, Лала Звиадовна, 33 года, портниха в ателье «Смерть мужьям» на Невском проспекте и Заза Отарович, 37 лет, оперный певец Кировского театра. Их дочь: Тамара, 15 лет.
- Пироговы, Алексей Ермолаевич, 38 лет, мясник, Галина Егоровна, 35 лет, продавщица мясного магазина. Их дети: Валера, 7 лет, Леночка, 6 лет.
- Лоскудова Людмила Николаевна, 37 лет, «разведенка», вахтерша ТЭЦ, ее дети: Алексей, 16 лет, и Колька, 8 лет.
- Коняевы, Андрей Геннадьевич, врач, 45 лет, Вера Семеновна, учительница, 43 года. Внебрачный сын Андрея Геннадьевича Миша, 17 лет.
- Аршинины, Анатолий Сергеевич, 46 лет, проводник ж/д, Зина, 23 года, воспитательница детского сада. Их дочь Аллочка, 4 года.

НАЧАЛО

Нехорошая квартира.

За десять дней до описываемых событий

Говорят, когда вы понимаете, что вот именно сейчас, сию минуту, счастливы, значит, ваша молодость прошла. Ибо в молодости счастье так же естественно, как дыхание. Лишь потом мы начинаем ставить зарубки на памяти. Ксения как раз сделала такую зарубку: вот, уходя стремительно вниз, тонут в закатном солнце «в багрец и золото одетые» канадские леса. А вот то же солнце плещется в бокале шампанского, что держит перед ней улыбчивая стюардесса. В салоне бизнес-класса пахнет кожей и сложными, дорогими духами, рядом уткнулся в газету мужчина с модной щетиной. Впрочем, думает Ксюша, может быть, дело вовсе не в прошедшей молодости, а в том, что бокал шампанского — уже второй? Или еще такой вариант: это и правда — первое выпавшее ей счастье. Нет, не выпавшее даже, привалившее — валом, после молодости, утекшей сквозь пальцы, измученные виолончельными струнами, как пальцы пряжи — грубой нитью. Сгинула молодость, не оставив ничего, даже ярких воспоминаний. Ведь нельзя же считать достойными памяти те вяло переходящие в годы часы, что она провела в замкнутом пространстве в обнимку с инструментом?

Чтобы затем все произошло так быстро: и выигранный международный конкурс, и месье Мена-

кер — благообразный, совсем седой, склонившийся над ее измученной невралгией кистью руки с поцелуем и омочивший ее теплой слезой. «Вы заставили меня плакать, мисс. Ах, как давно я уже не плакал, слушая виолончель, как же я вам благодарен!» И — вуаля! — на следующее утро она уже сидит, сама на себя не похожа — со слоем матирующей пудры на лице, прямые скучные волосы в свежей завивке — в канадской студии Иси Мюзик. Сидит и лепечет что-то про путь виолончелиста, кремнистую тропу. А рядом стоит царский подарок: одолженный Канадским национальным банком Страдивари, который теперь, когда она стала большим музыкантом, в ее полном распоряжении. И сейчас, в салоне бизнес-класса, баюкающего ее в воздушных потоках, ей кажется, что вот оно — счастье, эта нежная залитая закатным солнцем ладонь, несущая ее домой, в Питер. Ксения выдохнула, будто легкие грозили не справиться с такой радостью, и глотнула на вздохе шампанского.

— Первый раз в Канаде? — услышала она мужской голос и обернулась.

На нее с улыбкой смотрел сосед: двухдневная щетина, мятая футболка, серые спортивные штаны. Домашний вид. Она смущенно улыбнулась: он, наверное, и чувствует себя тут как дома. Вон, даже в тапки уже переобулся.

— Да. В первый. — Наверное, здесь принято знакомиться с соседями по шикарным креслам. Как было принято знакомиться в плацкартных вагонах поездов дальнего следования и рассказывать попутчикам всю свою жизнь. А может, просто состоятельные люди очень доброжелательны?

— Бизнес? Что-нибудь, связанное с ресторанами. Угадал? — мужчина улыбнулся еще шире.

— Почему с ресторанами? — удивилась Ксения.

— Вы просто с таким удовольствием пили шампанское. Будто в нем понимаете. Я вот — нет.

— Я тоже нет, — Ксения пожала плечами. — Просто такое хорошее пью тоже — в первый раз. — И добавила: — Я виолончелистка.

Как будто ее профессия сразу снимала вопросы о понимании в шампанском. Впрочем, так оно и было.

— Как интересно! — мужчина взглянул на нее сквозь взлетающие вверх пузырьки шампанского в бокале. — Вы — моя первая знакомая виолончелистка. Виталий, — он протянул ей руку.

Ксения неловко пожала ее между креслами:

— Ксения.

— А у меня банальная профессия, — он сделал внушительную паузу. — Тружусь на благо Отечества в Газпроме.

Ксения чуть дрогнула губами. Она могла бы сделать ответное признание: ах, он тоже первый ее знакомый газпромовец, но правда заключалась в том, что она никогда не стремилась знакомиться с мужчинами, каким-то образом связанными с полезными ископаемыми. Из всей вереницы «сырьевиков» ей гипотетически могли быть интересны только те, кто находился в начале этой пищевой цепи: геологи там или нефтяники. Но никак не этот ухоженный и довольный собой гражданин, с которым Ксении сразу стало скучно. Это в ней было от бабки — легкое пренебрежение к людям и не физического, и не интеллектуального труда. Так, дрейфующее офисное животное высшего звена. «Надо выпить еще шампанского, — подумала Ксения. — Мне с ним еще лететь и лететь». Она откинула голову в кудрях, еще хранящих следы вчерашней телевизионной укладки, и слегка захлебнулась шампанским. В ответ Виталий похлопал ее по спине, потом вызвал стюардес-

су с дополнительным пледом и еще парой бокалов. И так постепенно (шампанского, еще шампанского!) и правда стал Ксении весьма симпатичен.

Утром, проснувшись перед самой посадкой в Пулково, она в некотором смущении обнаружила свою голову на плече у «Газпрома» и, поправив сбившийся плед, вспомнила, что рассказывала за ужином — утка в соусе хойсин, суп из запеченных помидоров, — что теперь очень богата. Месье Менакер, самый главный музыкальный филантроп североамериканского континента, не выдававший свою премию уже несколько лет подряд — такую тоску на него наводила игра конкурсантов, — передал весь накопившийся премиальный фонд ей, Ксении. А плюс к тому она теперь имеет право играть на гениальном инструменте цвета верескового меда — авторства Антонио Страдивари. Страд — как с ложным панибратством зовут эти уникальные струнные ее коллеги-музыканты. На нем играл еще виртуоз Бернард Гринхаус! — похвасталась «Газпрому» Ксения, подчищая соус хойсин корочкой пшеничной булки.

— Он один, наверное, миллионов на десять потянет, — посерьезнел «Газпром» лицом в легкой щетине (это вам уже не музыкальные ля-ля, это уже ля-моны) и скосил глаза на дальнее кресло, в котором по-царски путешествовал в своем дорожном футляре Страд — страховая компания оплачивала ему билеты в бизнес-классе. Сдавать такой ценности инструмент в багаж было строжайше запрещено. Ксения же легкомысленно отмахнулась пшеничной булочкой.

— Разве в этом дело?! — И она взялась разглагольствовать о тайне страдивариевской древесины: болтали, что Антонио использовал остатки Ноева ковчега, но глупости — просто ель и клен. Ель — ядровая. Янтарная смола подсушена за прошедшие триста лет, но она здесь, и ее хвойный аромат, высвобождаясь вместе со звуком, летит туда, куда только и могут достать

острые еловые верхушки в альпийских предгорьях. Это для верхней, звонкой деки. Клен — для нижней, прочной. Звук — солидный, густой, как кленовый сироп, течет внутри виолончели, резонирует от тайных, невидных глазу изгибов... А поверху, над легкой смолой и тяжелой патокой, — слой волшебного лака (рецептура утеряна!), такого тугого и упругого, что он, как живой, затягивает на инструменте любую рану — всякую царапину, вмятинку, скол.

— А что вы хотите делать с премией? — перебил ее заскучавший на поэтических отступлениях «Газпром». — Вложите в ценные бумаги? Или в недвижимость?

Ксения замерла с бокалом в руке, почти нежно взглянула на соседа: ну, конечно! Она еще сама не успела подумать, что делать с внезапно свалившейся на нее бешеной суммой, но ведь, да-да, ей надо вложиться в недвижимость!

— Я куплю квартиру, — сказала она. — Я куплю большую квартиру с видом на воду.

* * *

В зале прилета она потерянной птичкой оглядывалась по сторонам. Снова вынула из кармана мобильный: эсэмэска, посланная во время пересадки во Франкфурте, дошла до адресата. В сообщении она подтверждала: рейс не опаздывает, жди. Но никто ее не ждал, а набрав пару раз Петин номер, она наткнулась на равнодушный женский голос: аппарат абонента выключен. Ксения вздохнула. Ничего, не маленькая, сама доедет. Вяло поторговавшись с пристающим таксистом — в конце концов, она ему не туристка! — Ксения села в забрызганную грязью машину и откинулась на сиденье. Боже, ей еще пилить через весь город! И сама не заметила, как заснула.

А проснулась от вечного, посконного:

— Ну, твою же мать!

Ксения распахнула глаза. Выглянула в окно: такси пыталось пробраться из переулка на набережную канала Грибоедова, но и переулок, и набережная были под завязку забиты машинами.

— Зачем вы поехали через центр? — вздохнула она.

— Сейчас все стоит, — ворчливо возразил таксист.

Ксения без слов пожалала плечами — может быть, он и прав. Сама она всю жизнь передвигалась на метро. Там в час пик было тоже тесновато, но путь от дома до консерватории занимал чуть больше получаса. А тут, за те пятнадцать минут, что она сонной совой пялилась в окно, не произошло ни-че-го. Лишь горели сквозь мельчайшую морось красные тормозные огни, да вился седой дымок из выхлопных труб. Тусклое питерское утро. Эстетика перенаселенного города.

От нечего делать Ксения стала рассматривать здание напротив: угловой дом через канал с кофейней на первом этаже. А выше — еще четыре, с большими окнами-эркерами. На последнем — с надписью «ПРОДАЖА» и номером телефона — полукруглый балкончик, окаймленный изысканной железной вязью эпохи модерна. Как раз подходящего размера, чтобы выставить на него столик с двумя стульями и пить утром — кофе, а вечером — вино. Или, к примеру, в июне, когда на город опустится прохлада молочной белой ночи, сесть в обнимку со своим Страдом и играть для полуночных пьяниц, празднующих туристов и бомжей с Сенной баховскую сюиту номер один. А вот куранту или прелюдию? — Ксения на секунду задумалась, вынимая из кармана мобильник, и набрала номер, указанный на плакате.

— Слушаю! — мужской голос был бодр. Неестественно бодр для такого пасмурного утра.

— Здравствуйте, — Ксения перехватила внезапно вспотевшими пальцами телефон. — Я звоню вам по поводу квартиры на канале Грибоедова.

— 180 квадратов, — отрапортовал голос. И добавил, чуть смущенно, стоимость. Ксения по привычке вздрогнула, но, поймав в зеркале любопытствующий взгляд таксиста, уверенно кивнула самой себе: все в порядке, спасибо меся Менакеру. Ей хватит.

— Когда я могу ее посмотреть?

— Да хоть сейчас, — риелтор стал весел и напорист. — Я только что проводил покупателей, соби-рался уезжать, но если вы недалеко...

— Я в пробке, совсем рядом. Только у меня чемодан...

— Ничего, — хохотнул риелтор. — Я спущусь и помогу.

Ксения быстро расплатилась с недовольным таксистом — дамочка сама не знает, куда едет, — и строго сказала себе: это будет первая из многих квартир, которые она отсмотрит. Но пыталась она говорить с собой внушительно, по-взрослому: метраж подходит, место — идеальное для работы, на высоте не так шумно...

Риелтор — совсем молоденький мальчик, узенький, с носом-уточкой — уже придерживал дверь ногой. Протянув руку для чемодана, пропустил ее вперед. Ксения вошла, да так и застыла: тут все было иным, чем в ее панельной девятиэтажке на проспекте Большевиков. Лестница с пологими ступенями вела прямо к лифту, а затем, повернув влево, волнообразно его огибала. Взгляд, следуя за изгибом, утыкался в растительного орнамента лепнину высокого потолка. Тот же растительный узор, но уже в металле, украшал дверь лифта. Не без труда вместились в него вместе с чемоданом и Страдом и несколько смутившись внезапной близости, они с лязгом («Лифт — ан-

тикварный», — пояснил, нервно хохотнув, риелтор) вознеслись вверх, на четвертый этаж.

Дверь квартиры была деревянной, выкрашенной облупившейся коричневой краской. Слева и справа, на высоте плеч, торчали проволочками наружу разнокалиберные звонки. Риелтор открыл дверь длинным ключом, вошел, протащив за собой чемодан. Ксения, обнимая Страд, шагнула следом. В квартире пахло свежей краской, но стены стояли в грязных оборванных обоях, а потолки — в трещинах и подтеках.

— Новые хозяева затеяли было ремонт, а потом передумали заморачиваться. Живут в Москве, в Питере квартиру купили так, ради прикола, — прокомментировал риелтор. А Ксения смотрела вверх: вокруг убогой лампочки Ильича по плафону шел все тот же мотив: переплетающиеся между собой листья и стебли. Речные кувшинки? Водяные лилии?

— Раньше во всем доме были коммуналки. Эту квартиру выкупили последней. — Ксения шла за ним из комнаты в комнату. Везде царило запустение неухоженного и нелюбимого последними обитателями жилья, но сквозь него, как стебли тех самых кувшинок сквозь толщу воды, пробивалась красота некогда «приличной» квартиры. В холле, заложенный кирпичом, царил камин из бордового с прожилками мрамора. Над каминной полкой танцевала заключенная в медальон алебастровая Терпсихора.

— Камин можно реанимировать, — прокомментировал риелтор. — Этаж последний, почистите дымоход — и вперед. В блокаду, говорят, его использовали.

— Кто говорит? — рассеянно спросила Ксения, выглядывая из того самого огромного окна, что привлекло ее внимание с улицы, — отсюда заваленный строительным мусором и небрежно скрученными, заляпанными краской листами полиэтилена балкончик выглядел не так презентабельно.

— Так жильцы бывшие! Пьяницы все как один, но уезжать отказывались. Вид им, видите ли, нравился, — парень хмыкнул, разом отказав всем пьяницам в чувстве прекрасного.

Ксения подняла взгляд от строительного мусора к куполам Исаакиевского и Казанского соборов. Первый — прямо по курсу, благородного потускневшего золота, окруженный темным, облетевшим к зиме Александровским садом. Второй — справа, в позеленевшей меди. Ниже морем вздымались ржавые железные скаты крыш... Она сможет видеть это каждый вечер, если купит квартиру, подумалось ей, искать свои городские ориентиры, выходить на минутку, чтобы проверить на себе температуру и влажность в этом проклятом зябком климате, где никогда не знаешь, как одеться. И — да, тут много работы, но разве не об этом она мечтала последние пятнадцать лет — о своем жилье, где все будет сделано так, как хочет она, а не мать и бабушка?

— Пару стен можно снести, сделать комнаты попросторнее, — будто подслушав ее мысли, разливался соловьем риелтор. — Паркет мало где сохранился, но там, где есть, он дубовый. Здесь дверь на черную лестницу...

Ксения повернулась к нему, и он резко замолчал, увидев выражение ее лица.

— Я ее беру.

Так и сказала, будто всю жизнь покупала квартиры, как картошку.

КОНЕЦ

Она думала, что уже ничего не боится. Сложно бояться тому, кто все потерял. И всех. Кроме того, когда жизнь катится к логическому завершению, все чаще начинаешь молить судьбу о смерти, если не легкой, то сравнительно быстрой.